

Бѣглыя Замѣтки.

Саратовѣ, какъ и въ Нижнемъ, есть общество, помогающее студентамъ.

Вид. извлекли очень интересные брѣвны изъ отчета этого Общества.

За 28 лѣтъ помощь была оказана болѣе 500 лицамъ.

Изъ нихъ 300 человекъ уже успѣли запобывать дипломы.

Очень многіе занимаютъ весьма видныя общественныя положенія, получаютъ 300— и болѣе рублей въ мѣсяць.

Но нѣтъ ничего непріятнаго, какъ кормить своихъ родителей и платить старые долги.

Эту пословицу подтверждаютъ и саратовскіе стипендіаты.

Изъ трехъ сотъ окончившихъ курсъ должниковъ саратовскаго Общества расплатились только лишь 60 человекъ.

40 должниковъ предпочитаютъ тратить свои денежки на себя лично.

Они господа глухи на то ухо, въ которое говорятъ, что Общество за недостаткомъ средствъ отказываетъ нуждающимся.

Въ свое время мы получили, что было нужно, а до другихъ намъ нѣтъ дѣла.

Изъ 300 окончившихъ курсъ должниковъ саратовскаго Общества членами этого Общества пожелали быть всего только человекъ 25.

Между тѣмъ въ долгахъ у Общества болѣе 1 тыс. рублей, и если бы эта сумма была своевременно возвращена въ благотворительную работу, то нуждающіеся въ помощи не находили бы отказовъ.

Любопытно и слѣдующее замѣчаніе: самыми усердными стипендіатами Общества являются дѣти духовенства. Въ прошлый годъ они составляли 25 проц. общаго числа субсидируемыхъ.

Но отцы этихъ дѣтей къ Обществу относятся болѣе чѣмъ равнодушно: среди членовъ Общества всего только два человека духовнаго званія.

— Помогайте, господа, нашимъ дѣтямъ, мы вамъ содѣйствовать не желаемъ.

Въ Разсказѣ А. М. Пѣшкова— „О писателѣ, который завялся“ между прочимъ говорится, что русскіе люди очень склонны къ метаморфозамъ: въ 25 лѣтъ они мечтаютъ объ общемъ благодѣянствѣ, а послѣ 35 лѣтъ впадаютъ домакамъ.

Это общее правило, увы, весьма вѣрно отмѣченное. Конечно, какъ и всякое общее правило, оно окружено исключеніями, но дѣла это не мѣняетъ.

Поведеніе саратовскихъ стипендіатовъ повторяется и въ Нижнемъ. О томъ же говорятъ и въ столичныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Чеховскій Вершининъ изъ „Трехъ сестеръ“ замѣчаетъ, какъ возвышенно говорятъ рус-

скіе люди и какъ не высоко хватаютъ они въ живни.

Особенная склонность къ возвышенному настроенію, конечно, наблюдается среди молодыхъ людей, когда сердце бьется сильно, когда кровь горяча, когда вѣрять въ себя, когда эгоизмъ еще не можетъ перекрычать голоса справедливости, человѣколюбія и доброты.

А потомъ... Потомъ идетъ обыкновенная и скучная исторія. Начинаетъ „заѣдать среда“, уходятъ въ футляры, и на смѣну возвышенной рѣчи является „канцелярскій языкъ“ и все то, противъ чего произносили свои филиппики нашъ русскій Альцестъ Чацкій.

И вовсе не трудно указать причину такого перерожденія, обратнаго перерожденія Фауста. Наша жизненная среда низменна и пошла.

Въ послѣднемъ номерѣ *Новаго Времени* А. С. Суваринъ, обсуждая рѣчь г. Стаховича о свободѣ совѣсти, говоритъ, что г. Стаховичъ въ сущности высказалъ лишь то, что съ давнихъ поръ проповѣдуется въ нашихъ университетскихъ лекціяхъ:

Замѣчательна вотъ эта черта у насъ, когда поднимается какой-нибудь принципиальный вопросъ. Онъ давно рѣшенъ въ университетскихъ лекціяхъ, въ передовыхъ русскихъ умахъ, въ русскихъ книгахъ, но какъ только выходитъ на арену практической жизни, сейчасъ же начинается споръ такого рода, что будто объ этомъ никогда и ничего не было говорено у насъ и какъ будто это что-то революціонное.

Это, конечно, такъ, и въ этомъ фактѣ хорошей ключъ къ пониманію многого.

Пока мы учимся, мы живемъ въ особливо культурной атмосферѣ. Мы слушаемъ просвѣщенные лекціи, мы читаемъ книги лучшихъ умовъ человѣчества.

Но вотъ дипломъ въ карманѣ и мы—бултыхъ въ мутную, холодную воду моря-океана жизни, гдѣ научныя истины неизвѣстны, гдѣ къ азбучнымъ вещамъ относятся такъ, какъ „будто объ этомъ никогда и ничего не было говорено и какъ будто это что-то революціонное“.

* * *

Въ Одессѣ два человѣка умерли отъ чумы.

Газеты сообщаютъ, что по этому поводу 30-го октября состоялось экстренное собраніе думы.

Городской голова внесъ докладъ „объ ассигнованіи средствъ на случай борьбы съ чумой“.

Отрывая засѣданіе, голова сказалъ, что „страшная гостья—чума кажется намѣревается посѣтить и Одессу“.

Далѣе голова подробно описалъ принимаемыя мѣры и указалъ, что паника неумѣстна, такъ какъ наука уже выработала цѣлесообразную борьбу съ чумой.

Въ университетѣ профессоръ Подвысоцкій прочиталъ лекцію о борьбѣ съ чумой.

Градоначальникъ издалъ правила, въ которыхъ перечисляетъ тѣ санитарныя мѣры, которыя населеніе должно соблюдать по случаю обнаруженной чумы.

Все это производитъ прекрасное впечатлѣніе полезной, покойной, мужественной и культурной гласности.

Чума названа чумой и о борьбѣ всѣ говорятъ просто и открыто, какъ и подобаетъ разумнымъ, взрослымъ дѣятелямъ.

Невольно вспоминается, какъ года три тому назадъ принимали въ Нижнемъ предупредительныя мѣры по случаю чумныхъ заболѣваній въ низовьяхъ Волги.

При городской управѣ было создано секретнѣйшее засѣданіе. Двери были заперты крѣпко-накрѣпко, но и послѣ этого даже шепотомъ не рѣшались произносить слово—чума.

Говорили о покупкѣ зевекенскаго барака для устройства больницы на случай, если „она“ появится.

Теперь послѣ одесскаго примѣра, наша нижегородская боязнь словъ представляется еще болѣе комичной, чѣмъ прежде.

Нанимали врачей и фельдшеровъ и говорили имъ:

— Вы должны быть готовы на случай, если случится... вы догадываетесь что.

— Понимаемъ... если нѣчто извѣстное будетъ, мы будемъ готовы.

С. Претополовъ.